

История Андерса Аскеланда очень увлекательна. Он родился с неподдельной уверенностью в себе, не сравнимой ни с одной фигурой в мифологии за всю историю человечества. От истинного Нарцисса его отличало лишь то, что его вера в себя была заслуженной.

Он начал свою предпринимательскую деятельность в Норвегии, когда ему было четыре года, продавая шоколад, который он получал бесплатно от родителей. Он сорвал куш, но был отчитан, когда его бизнес раскрыли. После этого он решил подойти к делу более серьезно. К семнадцати годам он стал финансово независимым.

Андерса не интересовали деньги. Он делал то, что делал, потому что считал это неизбежным. Он был убежден, что если Вселенная предопределена, то она предопределила, что он должен быть успешным. И, без сомнения, он добился успеха. К моменту окончания учебы у него было достаточно денег, чтобы купить свой университет. Он решил, что оно того не стоит. Слабые и глупые боялись его, а остальные хотели следовать за ним. Никто не знал, какова его конечная цель и что он будет делать, когда достигнет ее.

К тридцати годам Андерс построил «Антлер Индастриз» с нуля. Он нанимал тех людей, которых считал способными, а не тех, кто ему нравился. Он управлял компанией эффективно, а не добродушно. Он был честен, но прямолинеен. Он никому не нравился, но все его уважали.

Первые три недели работы я с ним не встречался, так как он летал по миру на встречи с влиятельными людьми. Конечно, никто из этих людей не был столь влиятельным, как он.

После первого дня работы я еще раз попытался встретиться с Амале, чтобы спросить, что она имела в виду и что хотела от меня. Все было безуспешно. Похоже, у нее были более важные дела. Тем временем я занимался продажей продуктов клиентам. Как и ожидалось, у меня все получалось, причем настолько хорошо, что меня попросили встретиться с Андерсом. По застывшим лицам разработчиков, когда они узнали об этом, я понял, что дело серьезное.

— Он лично попросил тебя прийти? — спросил один из них.

— Он не просит. Он указывает, — поправил его другой.

Разработчики были склонны к драматизму и преувеличениям. Несмотря на важную работу и завидную зарплату, они понятия не имели, что и для кого они делали. Им просто было скучно.

— Нет, меня поставили перед фактом, сказав, что у меня назначена с ним встреча, — добавил я, пытаясь остановить спор, пока он не начался.

— Что ж, удачи, — сказали оба в один голос и улыбнулись, довольные своей скукой и безопасностью.

Возможно, это была разумная позиция: никогда не стоит знакомиться с человеком наверху.

Я поднялся на последний этаж «Антлер Индастриз» в своем сшитом на заказ костюме с небесно-голубым галстуком. Я впервые увидел этот этаж. Там работал только босс. У него был помощник, который всегда оставался этажом ниже, но который должен был постоянно бегать наверх, если нужно было что-то доставить начальству.

Весь этаж имел достаточно экстравагантный дизайн, интерьер которого был расшит золотом и серебром. Пока я шел по этажу, я думал о том, насколько это, должно быть, расточительно. Босс редко бывал здесь и при этом требовал того, чего просили только фараоны. Мне стало завидно.

— Войдите, — раздался громкий голос за дверью, когда я постучал.

Я переступил порог кабинета. Андерс восседал на огромном троне. Позади него находилось окно, из которого был виден целый город.

— Приятно познакомиться, — сказал я.

Он встретился со мной глазами, его взгляд был острым и критичным. Я поборол желание отвернуться.

— Да, полагаю, что это так, — ответил он, отводя взгляд. — Я слышал, вы отлично справляетесь с работой. Превосходно.

Он замолчал, глядя в пустоту. А затем добавил:

— Я хочу поговорить с вами, Натаниэль.

— Я рад поговорить. Позвольте заметить, что ваш кабинет прекраснее, чем я себе представлял.

Он улыбнулся, не глядя в мою сторону.

— Вы умеете льстить. Но скажу вам сразу: мне не нужно льстить. Все, что я делаю — прекрасно. Я ценю то, что вам легко говорить мне приятные слова, однако это не меняет сути.

Высказавшись, Андерс сделал глубокий вдох, в котором было в два раза больше воздуха, чем может вдохнуть обычный человек.

— Вы догадываетесь, о чем я хочу поговорить с вами, Натаниэль?

Он постоянно использовал мое имя, не торопился со словами и контролировал разговор. Я никогда не чувствовал себя так, разговаривая с кем-то.

— О новом продукте? Я только что закончил работу над телефоном. Кажется, разработчики остались довольны.

Я знал, что это не то, к чему он клонил, но мне хотелось напомнить ему, что я — ценный сотрудник.

— Давайте поговорим об Амале, — сказал он, повернув голову в мою сторону.

Я почувствовал холодок. Никто не мог знать, о чем он думает, и это было его сильной стороной. Готов поспорить, что люди всегда сообщали ему информацию еще до того, как он о ней спрашивал. Я не сломался, хотя был достаточно к этому близок.

— Я пытался пересечься с ней. Полагаю, что она очень занята, — ответил я.

Он пристально смотрел на меня, его оливковые глаза не двигались. Мне стало интересно, действительно ли он меня видит или я просто еще одна стена, на которую можно смотреть.

— Да, я в курсе. Амале действительно очень занята. Знаете, почему я назначил ее главным операционным директором, Натаниэль?

Он подождал, но не настолько долго, чтобы я смог придумать ответ, и затем добавил:

— Вы, наверное, заметили, что она молода. Точнее, она моложе тех, кто обычно работает на ее должности. Она добилась своего положения, потому что, как и вы, обладает чем-то, чего этой компании не хватает.

— Не хватало, — поправил я.

— Нет, Натаниэль. Не хватает, — властно произнес Андерс. — Вы здесь совсем недавно, и ваша работа вполне удовлетворяет требования «Антлер Индастриз». Однако, нанимая вас, я хотел нанять кого-то, кто был бы слишком ловок для этой компании. Мне нужен был человек, созданный для другой индустрии, — индустрии, построенной на субъективности. Как вы продавали свои костюмы и платья? С помощью логики? Нет. Вы преуспели, потому что обратились к самой слабой стороне потребителя — эго.

Он наконец отвел от меня взгляд, и я позволил себе проявить раздражение. Правда, молча и не подавая виду.

— Моя компания процветает, потому что у нас самые лучшие продукты, и это не обсуждается. Это объективно. Это правда, — надменно заявил он.

— А что насчет Амале?

— А что с ней? — отозвался Андерс.

Я уже не понимал, то ли он ушел в себя, то ли это была какая-то забавная игра для него.

— Что вы хотите, чтобы она принесла в компанию?

— Амале умна, но, в отличие от вас, она заботится о прозрачности.

Я скрыл свое презрение к такому заявлению, хотя он был прав.

— Я нанял ее, потому что прозрачность — это не основной приоритет. Однако я не допущу, чтобы в этой компании был застой. Амале постоянно усложняет работу моих сотрудников, а это то, что мне нужно.

Андерс сделал паузу и встал. Его размеры затмили город на заднем плане. Он продолжил:

— Она еще не оправдала моих ожиданий, но я уверен, что оправдает.

Несмотря на то, что его слова вселяли надежду, я беспокоился.

— Почему Амале была занята? — спросил я.

Андерс подошел к окну и посмотрел на улицу. Он пару раз постучал по стеклу, издав легкий звон. Затем, внезапно набрав силу, ударом кулака он разбил стекло. В помещение ворвался воздух, и я инстинктивно отступил от него. Я не боялся высоты, но мне стало страшно. Андерс снова повернулся ко мне, его лицо было невозмутимым.

— Смотрите, Натаниэль.

Я не знал, куда он хочет направить мое внимание, но вдруг увидел, как разбитое окно начало само себя чинить. Стекло пошло волнами, и дыра заполнилась сама собой. Через пять секунд окно снова стало идеальным. Андерс ни разу не оглянулся на него. Он стоял неподвижно, ожидая моего неизбежного проявления любопытства.

— Натаниэль, — сказал он. — Это лишь один из методов, с помощью которого наши технологии превзойдут все остальные. Именно над этим работает Амале, и именно поэтому я нанял ее.

— Но что это? Неужели все окна «живые»? А эта дверь? А как насчет вашего кресла? Как это работает?

Я указывал на каждый предмет в кабинете, но Андерс мягко посмотрел на меня и сдержанно произнес:

— Натаниэль, вы не самый квалифицированный техник в этой компании. И вы им не станете. Это не ваша работа. Зачем вам это знать?

— Вы много чего скрываете от разработчиков, — ответил я, успокаивая себя. — Это значит, что вы в чем-то не уверены.

Мой мозг бешено засуетился, пытаясь придумать причины, но я рискнул, выдав:

— Что бы это ни было, вы знаете, что как только это появится на рынке, все станет совершенно доступным. Любая компания сумеет разобраться и понять, что это такое и как это работает. Рано или поздно вам придется обнародовать эту информацию, но каждый день — это еще один риск утечки. Значит, вы хотите, чтобы именно я презентовал эту идею, — заключил я, чувствуя себя победителем.

— Боже мой... — пробормотал Андерс. — Я не испытываю недостатка уверенности в своем деле, Натаниэль Хенсли.

Могу поклясться, что в этот момент пол начал трястись.

—Я не...

— Я привел вас сюда, потому что знаю, что вы можете добиться успеха, — резко заявил он. — Есть ключевая разница между сомнением в себе и уверенностью в других. Я вижу, что вы умны, но, похоже, вы слишком легкомысленно относитесь ко мне.

— Нет, я бы не сказал...

— Либо это так, либо вы слишком высокого мнения о себе, — перебил он снова и сел обратно в кресло. — Что касается всего остального, то это более или менее правда. Я дам вам шанс презентовать эту идею. Как вы уже смогли убедиться на собственном опыте, она не похожа ни на что из того, что вы когда-либо продавали. Это значит, что у нее самый высокий потенциал из всех наших продуктов.

— Верно. Я вижу этот потенциал. Думаю, было бы лучше, если бы я знал, что это такое.

Услышав мои слова, Андерс задумался, словно перебирая в голове все возможные варианты. Затем он рассмеялся глубоким, громким смехом, который, возможно, смутил бы любого.

— Наверное, вы правы! Я понимаю, что многое непонятно для вас, но это все не так сложно, как вы думаете. Вам не обязательно знать все тонкости. Объяснять все здесь слишком утомительно. Почему бы нам не отправиться на прогулку?

—Хорошо.

Я не знал, почему все в компании любят объяснять что-то на прогулках, и уже начал

беспокоиться, что он тоже попросит меня что-нибудь украсть.

— Замечательно, пойдемте! — воскликнул он, быстро надевая куртку. — Я всегда с удовольствием хожу по городу, когда бываю здесь.

Мне потребовалось мгновение, чтобы осмыслить его слова. Может быть, здесь, на высоте сорока с лишним этажей, кислорода не хватает?

Прямо в кабинете у него находился стеклянный лифт, на который он мне указал.

— Подождите, куда мы едем?

Я пребывал в недоумении. Мой адреналин забурлил, когда мы спустились на землю в прозрачной коробке. Я старался не показывать свою нервозность. Андерс не произнес ни слова. Он стоял неподвижно, глядя по сторонам.

Эко-Сити был, если судить по качеству жизни и технологическому прогрессу, лучшим городом во всем мире. Во многом благодаря Андерсу. Мне было интересно, считает ли он город своим или он еще не соответствует его стандартам.

Спустившись, мы вышли на угол 7-ой и 49-ой улиц. Тротуар, обычно кишачий горожанами, словно насекомыми, был свободен. Я последовал за Андерсом, ускорив шаг, чтобы не отставать от него.

— Натаниэль, в детстве вы мечтали о чем-то необычном? — спросил он внезапно.

— О чем-то необычном? Я мечтал полететь на Луну. Быть астронавтом — это необычно?

— Нет, — ответил Андерс, не сбавляя шага. — Когда я был ребенком, только одна вещь вызывала у меня недовольство: все, что я делал, не могло длиться вечно. Постоянство было иллюзией. Меня не утешало, что всех остальных постигла та же участь, как и то, что метеорит, способный уничтожить человечество, не лучше пули, способной убить одного человека. Я мечтал, чтобы все, что я делаю, существовало вечно.

— Это странно, — ответил я.

Мы вошли в общественный парк, ухоженный до мельчайших деталей. Здесь я вспомнил, что в этом городе живут и другие люди. Незнакомцы, мимо которых мы проходили, инстинктивно держались на почтительном расстоянии от Андерса Аскеланда, хотя, возможно, никогда его не встречали. На протяжении всей прогулки у меня было четкое ощущение, что этот город довольно-таки благоустроен. Я живу здесь уже несколько недель, но никогда не замечал ни широких дорожек, ни высоких арок. Это было странно.

— Я также рано понял, что не смогу решить эту дилемму самостоятельно, как бы мне этого ни хотелось. Значит, «Антлер» решит, — продолжил Андерс свою мысль.

Я уставился на него. В «Антлер» производились и автомобили, и лекарства, и самое опасное оружие. В то, что он назвал причину существования этой компании чем-то настолько непорочным, настолько простым, я верил с трудом. Однако Андерс Аскеланд не умел лгать.

— Это та технология, которую вы сейчас собираетесь внедрить? — спросил я.

Он сделал паузу, как будто услышал что-то невнятное.

— Натаниэль Хенсли. Харизматичный агент, слишком успешный, самоуверенный, умный сукин сын, — он посмотрел на меня с укором. — Это то, что я впервые услышал о вас. Это был отчет. Я могу согласиться с первой частью, но надеюсь, что вы сможете доказать мне остальное.

— Может быть. Но не самую последнюю часть.

— Даже последнюю часть, — утвердил он с улыбкой.

Мне было интересно, как часто он улыбается. Для такого сосредоточенного существа, как он, это было случайностью, минутной осечкой на пути к цели.

— Это новая технология, Натаниэль. Дар вечного удивления и бессмертного благоговения.

— Это алгоритм?

На его лице отразилось разочарование, которое я уже видел в глазах Амале. Я начал сомневаться в вопросах, которые постоянно задаю.

— Это слишком обширное определение. Если я скажу «да», это будет означать, что я приравниваю свое изобретение к программе, которая выигрывает партии в шахматы. Посмотрите, — Андерс махнул рукой на окружающий сад. — Если мы считаем эти растения разумными, мы также должны сказать, что они способны решать проблемы. Эта венерина мухоловка, скажем, умеет считать лучше, чем многие мои сотрудники. Она быстра, и ошибки случаются редко. Она невелика, но способна решать проблемы. Однако она не сможет делать это, если будет достаточно сильно повреждена.

После этих слов, он обхватил рукой основание растения и вырвал его из почвы. Затем он положил его обратно на землю, и листья мухоловки зарылись в почву от страха. Андерс продолжил:

— Оно больше не сможет ничего сделать. Его самая главная функция теперь невозможна, и все из-за неполадок в его внутренней системе. Все, что имеет хоть какое-то значение, является хрупким, Натаниэль. Тот, чей мозг расколот между рассудком и весельем, однажды сказал: «Жизнь стоит того, чтобы ее прожить только потому, что она когда-нибудь закончится».

Он остановился и поднял глаза в небо. Словно обращаясь к кому-то, он произнес:

— Я не виню их. На протяжении большей части нашей истории было бы невозможно сделать то, что сделал я.

— Значит, вернемся к окну. Новые телефоны. Они сами себя починят? — спросил я.

Андерс оглянулся, и наши взгляды пересеклись.

— Да. У них будет такая возможность.

— Я бы не принял вас за человека, способного создать нечто столь угнетающее, — подумал я вслух.

Впервые Андерс выглядел озадаченным.

— Угнетающее?!

<http://tl.rulate.ru/book/109565/4141188>